

Посвящается Руби.

Я обещала, что ты начнешь читать мои книги, когда тебе исполнится двенадцать. Тогда казалось, это произойдет еще не скоро. И вот тебе двенадцать, и мы с тобой родственные души. Надеюсь, ты всегда будешь любить книги и историю.

Приятного чтения, моя замечательная девочка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эстелла

Глава 1

2 июня 1940 года

Эстелла Биссетт бросила на стол рулон золотого шелка, и он развернулся, колыхаясь, словно подол танцовщицы канкана. Эстелла провела по ткани рукой, ощущая одновременно мягкость и чувственность; похоже на прикосновение розовых лепестков или обнаженной кожи.

— *What's your story morning glory*¹, — негромко произнесла она по-английски.

— Эстелла, твой английский лучше, чем у американцев! — засмеялась мама.

Эстелла улыбнулась. Ее учитель английского сказал то же самое год назад на последнем уроке, перед тем как влиться в ряды тех, кто покидал Европу: «У тебя акцент более американский, чем у меня!» Она зажала рулон под мышкой, набросила шелк на плечи и начала скользить по комнате в ритме танго, не обращая внимания на возгласы *Attention!*². Окрики женщин только раззадорили ее, и к танцевальным па добавилось пе-

---

¹ Буквально: «Расскажи свою историю, утренний цветок!» — устойчивое выражение, которое часто можно услышать в песнях. (Здесь и далее прим. перев.)

² Осторожно! (фр.)

ние: бодрая и незатейливая мелодия Жозефины Бейкер I Love Dancing¹ слетала с губ, перемежаясь приступами смеха.

Эстелла в легком реверансе отступила назад и тут же резко выпрямилась, застыв свечкой. Конец рулона взвился над рабочим столом, где сидели швеи, и, едва не задев голову Наннетт, хлестнул по плечу Мари.

— Эстелла! *Mon Dieu*², — скривилась Мари и притворно схватилась за плечо.

Эстелла чмокнула Мари в щеку.

— Такой шелк заслуживает по меньшей мере танго. — Девушка жестом показала на ткань, сияющую на фоне будничной обстановки швейной мастерской подобно яркой луне. Материал явно предназначался для платья, которое не просто вскружит головы, но и буквально заставит их вращаться быстрее, чем порхают по клавишам рояля пальцы Коула Портера³ в пользующемся дурной славой джаз-клубе Бриктоп⁴ на Монмартре.

— Он заслуживает того, чтобы ты села и начала работать, — буркнула Мари.

В дверях появился месье Омон, привлеченный шумом. Бросив взгляд на завернувшуюся в шелк Эстеллу, он с улыбкой спросил:

— Что натворила на сей раз *ma petite étoile*?⁵

¹ I Love Dancing («Я люблю танцевать») — песня, которую исполняла Жозефина Бейкер (1906–1975), американская и французская танцовщица, певица и актриса.

² Боже мой (*фр.*).

³ Коул Портер (1891–1964) — американский композитор, автор музыки к музыкальным комедиям.

⁴ Ада Бриктоп (1894–1964) — американская танцовщица и певица, владелица ночного клуба Chez Bricktop («У Бриктоп») в Париже.

⁵ Моя маленькая звездочка (*фр.*).

— Она шлепнула меня отрезом, — пожаловалась Мари.

— К счастью, ты у нас девушка в теле. Такой все должно быть нипочем, даже шалости Эстеллы, — поддразнил он Мари. Та в ответ что-то процедила сквозь зубы.

— Что будем из этого шить? — спросила Эстелла, любовно разглаживая складки золотой ткани.

— Смотри. — Месье Омон протянул ей цветной эскиз.

Платье, сделанное на основе модели «Ла каваллини» от Ланвен¹, двадцатых годов; однако вместо огромного банта, украшенного тысячами жемчужин и хрустальных бусин, такой же бант предлагалось декорировать сотнями крошечных золотых бутонов роз.

— О! — ахнула девушка и подалась вперед, чтобы коснуться эскиза. Она знала, что ряды изящных бутонов будут смотреться издалека как сверкающие золотые капли и что в полной мере оценить идею модельера — волнообразную ленту из роз — можно будет, только подойдя ближе к женщине в этом платье. Как будто нет рядом никаких эполет, болтающихся за плечами противопогазов, одежды всех оттенков синего — синева линии Мажино, темно-синий цвет формы Королевских военно-воздушных сил Великобритании, холодный блеск закаленной стали, — которые Эстелла все больше ненавидела.

— Если я когда-нибудь смогу создавать подобные эскизы, — сказала она, любуясь изысканным рисунком Ланвен, — то буду так счастлива, что никогда не захочу иметь любовника.

---

¹ Жанна Ланвен (1867–1946) — французская художница-модельер. В 1889 году основала модный дом.

— Эстелла! — воскликнула Мари с упреком, будто двадцатидвухлетней девушке не полагалось даже понимать значение этого слова и уж тем более произносить его вслух.

Эстелла взглянула через всю комнату на Жанну, свою маму, и прыснула от смеха.

Как и следовало ожидать, мама глаз не подняла и не вмешалась — сидела и продолжала мастерить из розового шелка маленькие вишневые цветки. Однако от Эстеллы не укрылось, как она сжала губы в струнку, чтобы сдержать улыбку. Мама знала: дочку хлебом не корми, только дай подколоть несчастную Мари.

— Платье нельзя сравнивать с любовником, — нравоучительно произнес месье Омон и указал на шелк. — У тебя есть две недели, чтобы превратить ткань в золотой букет.

— А обрезки останутся? — спросила Эстелла, по-прежнему прижимая к груди рулон.

— Нам прислали сорок метров, но, по моим расчетам, тебе понадобится всего тридцать шесть. Если будешь работать экономно.

— Я буду экономна, как сказочная фея, плетущая французское кружево, — с благоговением произнесла Эстелла.

Она оторвала от груди рулон, натянула шелк на деревянную раму и закрепила булавками. Чтобы придать ткани жесткость, использовался раствор сахара в воде. Теперь Мари могла вырезать из нее кружкí при помощи тяжелого стального штампа.

Когда Мари закончила, Эстелла накрыла поролоновую подушечку чистой белой тканью, раскалила бульку — стальной шарик с ручкой — на небольшом огне, проверила температуру в кастрюле с воском, затем по-

ложила первый золотой диск из шелка на белую ткань и вдавила в него бульку. Диск мгновенно обернулся вокруг раскаленного инструмента и принял форму изящного лепестка розы. Эстелла отложила его в сторону и повторила процесс. До обеда она сделала две сотни бутонов.

За работой она, как обычно, болтала и пересмеивалась с Наннетт, Мари и матерью, пока Наннетт не пронесла тихо:

— Я слышала, солдат с севера бежит больше, чем гражданских из Бельгии и Голландии.

— Если солдаты бегут, кто встанет между нами и немцами? — спросила Эстелла. — Нам что, удерживать Париж швейными иголками?

— Наш народ не пропустит бошей. Франция выстоит, — твердо сказала мама.

Эстелла вздохнула. Спорить бессмысленно. Как бы Эстелла ни желала уберечь мать, она понимала — никуда они не уйдут. Так и будут сидеть в швейной мастерской и делать цветки из ткани, будто нет ничего важнее модной одежды, — потому что уходить некуда. Они не присоединятся к потокам беженцев из Бельгии, Голландии и с севера Франции, потому что не знают никого на юге страны, кто мог бы их укрыть.

В Париже у них жилье и работа. За его пределами — ничего. Вот почему Эстелла промолчала, хотя ее тревожила слепая вера матери в способность Франции противостоять немецкой армии. И что такого, если они укроются за стенами мастерской и будут притворяться, что хотя бы еще несколько дней, пока модельеры, подобные Ланвен, заказывают им золотые шелковые цветы, все будет хорошо?

За обедом, когда в кухне мастерской все ели рагу из кролика, Эстелла уселась в сторонке от других женщин

и начала рисовать. На листке бумаги она набросала карандашом фасон платья: длинная стройнящая юбка в пол, рукава-крылышки, перехваченная тонким пояском из золотого шелка талия, элегантный V-образный вырез и лацканы, как на мужской рубашке — несколько неожиданная деталь для вечернего платья в пол, однако Эстелла знала, что это сделает платье модным и оригинальным. Несмотря на облегающую юбку, платье вполне подойдет для танцев: такое броское и смелое, платье для жизни. А летом 1940 года в Париже приветствовались все, что обещало жизнь.

Мама покончила с рагу и, хотя до конца обеденного перерыва оставалось еще четверть часа, направилась к кабинету месье Омона. Эстелла наблюдала, как они тихо о чем-то переговаривались. Месье был из тех мужчин, кого называли *gueules cassées* — инвалиды Мировой войны с лицевым ранением. Часть его лица обезобразил огнемёт — рот перекошен, от носа мало что осталось... Он походил на монстра — хотя Эстелла давно не обращала на это внимания, — за пределами мастерской прятал лицо под медной маской и не скрывал своей неприязни к немцам, или бошам, как их обычно называли он и мама. В последнее время Эстелла видела, как в мастерскую заходили мужчины, встречались с ним на лестнице и уходили. Эти мужчины якобы доставляли ткань или красители; вот только принесенные ими ящики месье всегда распаковывал сам.

А мама — одна из семисот тысяч женщин, которых Мировая война оставила вдовами. Муж погиб вскоре после свадьбы, когда Жанне было всего пятнадцать. Два человека, у которых есть причина ненавидеть немцев и которые слишком часто что-то обсуждают шепотом — слишком серьезным, чтобы сойти за романтическую беседу.

Мама вернулась, и Эстелла вновь склонилась над эскизом.

— *Très, très belle*¹, — сказала Жанна, взглянув на рисунок дочери.

— Сегодня вечером сошью платье из остатков ткани.

— И наденешь в *La Belle Chance*? — Мама назвала джаз-клуб на Монмартре, который Эстелла по-прежнему часто посещала, хотя, после того как в прошлом году французов мобилизовали, а британцы бежали из Дюнкерка, в городе осталось мало мужчин — лишь те, кто работал на выпускающих военную продукцию заводах и имел освобождение от призыва.

— *Oui*², — улыбнулась Эстелла.

— Я буду на Северном вокзале.

— И завтра придешь на работу усталой.

— Как и ты сегодня утром, — проворчала мама.

Накануне вечером на вокзале дежурила Эстелла. Она раздавала по чашке супа беженцам, чей путь лежал через Париж, — одним посчастливилось сесть на поезд, другим пришлось пройти пешком сотни километров, спасаясь от немцев. Утолив голод, люди вновь пускались в дорогу — одни находили убежище у родственников, а другие продолжали двигаться, пока могли стоять на ногах, как можно дальше от войны, за Луару, где, по слухам, их ждала безопасность.

День прошел своим чередом — один бутон за другим... В шесть часов вечера Эстелла с матерью, взявшись за руки, шли вдоль Рю-де-Пти-Шан позади сада Пале-Рояль, мимо Пляс-де-Виктуар и рынка Лез-Аль; у домов рядами выстроились фургоны на конной тяге —

---

¹ Очень, очень красиво (*фр.*).

² Да (*фр.*).